

МАКСИМ Д. ШРАЕР

КРОЛИК ПО ИМЕНИ МАКС

**КРОЛИК
ПО ИМЕНИ
МАКС**

Максим Д. Шраер
Кролик по имени Макс. – Boston: Ladispoli Books, 2026.
A Rabbit Named Max, by Maxim D. Shrayer

Copyright © 2026 by Maxim D. Shrayer. All rights reserved.

ISBN 979-8-9954862-0-6

Book and cover design by Konstantin Kuzminsky.

Back cover art: *Purple Rabbit* by Mira Isabella Shrayer.
Copyright © 2011. All rights reserved.

Выходит к 60-летию Максима Константиновича Мусселя
(Кролика).
Published on the occasion of the 60th birthday of Maxim K. Mussel
(Krolik).

Ранние варианты этих текстов были опубликованы в
периодике и антологиях, в сборниках стихотворений Максима
Д. Шраера «Табун над лугом» (1990), «Американский романс»
(1994), «Ньюхэйвенские сонеты» (1998), «Стихи из айпада»
(2022), «Война» (2025) и «Параллельное письмо/Parallel Letters»,
а также и в мемуарном романе «Бегство» (2019).

При поддержке Бостонского Колледжа 40 экземпляров этого
издания бесплатно передаются в библиотеки США и Канады.

КРОЛИК ПО ИМЕНИ МАКС

Максим Д. Шраер

Ladispoli Books

2026

Ослик про имени Жак

Давид Шраер-Петров

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

ВОСПОМИНАНИЕ

Максиму Мусселию

Мы сидели в кабаке,
мы играли в бильбоке
словами.

С торопливостью людской
осень брызгала тоской
трамвайной.

В лес манил абсент из трав,
хвойной горечью обдав
и мятой.

Ветер выл стальной фокстрот
не жалея сил и нот
невнятных.

Мы ушли, оставив стол,
постаревший и пустой
от скуки.

Спали клёны без забот,
ветки выставив вразлёт,
как руки.

1985

нам повезло мы застали, крутились колёса телеги
там на углу перевёрнутой, интеллигент
тихой усмешкой с афиши глядел и ладонью куда-то
указывал выхоленной.

жизнь замерла; спотыкаясь о выбоины, до конца переулка добраться
и, задыхаясь, плечом заглянув, из-за пыльного дома увидеть:
может казаки проскачут, нагайками «помилосердствуйте, бра»,
может уборщики, озираясь, уложат булыжники, память увековечив.

3.

помнишь, случилась осенняя оттепель
перед полуднем —
не то чтобы трубы жестяно дрожали
или асфальт истекал синевою-невою
или швейцар пританцовывал у дверей, покинув
старинный отель.

помнишь, троллейбус, презрев остановки,
по городу плыл,
и отгонял к тротуарам в ложбинки
останки осенних остывших новостей.

помнишь, старик в длинноруком беспалом
бесполом пальто
через мостик шагал, обнимая
стеклянный аквариум-шар с красной оранжевоглазой,
похожей на птицу,
напившись бронзовой зеленью воздуха,
мы старика наблюдали.

он по надбровью моста по-над площадью
и по-над нами ступал,
площадь и бронзовый театр
и памятник — иззеленью —
плыли по стенке стеклянного шара
и множились в рыбьих глазах.

в этом вращенье
и мы затерялись на миг
и не заметили,
то ли старик выпустил рыбу в канал,
то ли птицу в рукав — и пропал.

а театральная площадь тонула,
а девочка в полупальто
по губастым камням мостовой не заметив

прощанья
рассыпала ноты
прощенья.

1987

ИЗУМРУДНЫЙ ЧЕРВЬ

И придумал я сказку
об огненно-синем жуке
Владимир Луговской

Максиму Мусселю

Антоновка горит
антоновым огнём,
октябрь говорит,
а мы молчим о нём.
Застуженный забор,
калитка-самоскрип,
июльский зверобой,
засушенный поскрип-
туманный аромат.
Нас четверо в саду:
медички, друг, роман
допрожит, а стыду
не место средь голья
соломы и ботвы.
По грядкам шарю я
и вдруг кричу: «Эй, вы,
смотрите все сюда,
здесь изумрудный червь,
напившись из пруда,
сверлит земную твердь.
Так вскорости и мы,
заколотив свой дом,
в состав осенней мглы
вбежим и упадём
на лавки». — «Перестань,
заныл про тосковень,
скорее бы на станцию
из этих деревень,
скорее бы до города
добраться и забыть
все эти фрукты горькие
и счастье без забот».

Нас четверо в саду,
мы молча пьем вино,
и в горле от него
мы чувствуем досаду.

1992

ВРОДЯЧИЕ ЛЬВЫ

Максиму Мусселю

В Серебряном Бору ручные львы
бродили; их татарин Абдулай
щенками приютил за нежный лай.
Тележка, мусор, сладкий запах мальвы...

Я вспоминаю, будто с похорон
пришедший вспоминает, что не стало,
когда по улицам Нью-Хэйвена, устало,
старуха катит супермаркету урон,
мне лезут в голову набитые трухой
больничные помойки, пустыри,
тележки, урны... Следом за старухой
идут забытых лет поводыри,
из прошлого вышагивают львы.
Любимый друг, нам не забыть Москвы.

1995

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Максиму Мусселио

Немолодые советские женщины
в застиранных до блеска бордовых водолазках,
Вера Иосифовна Жемчуг,
Любовь Леонидовна Ласкер.

Явные ненавистницы Сталина,
тайные обожательницы Пастернака,
хранительницы семейного стиля,
гвоздики и чеснока, сельдерея и пастернака.

«Дорогие дети, любите классику», –
говорили они с дрожью в голосе или со всхлипом,
а наши хозяева сбивали южнокорейские лайнеры
в Японском море над островом Сахалином.

«Наша англичанка, она не дура», – говорил один одноклассник, –
«евреи вообще умные люди». Я смотрел в окно.
«Литература сука, ей бы пизду расковырять гвоздём», –
говорил другой одноклассник. Я разбивал окно.

«Весь мир – театр, а мы – актеры», –
повторяла Вера Вильямовна Ласкер.
«Дети, выдавливайте раба капля за каплей», –
повторяла Любовь Антоновна Жемчуг.

А за окном умирал добродушный ходок Брежнев,
потом умирал кровожадный добряк Андропов,
потом умирал стыдливый парторг Черненко,
потом Горбачёв сражался за место под солнцем мертвых.

Мы читали «Даму с собачкой», мы разучивали Шекспира,
мы учились любить и предавать друг друга.
Чтобы прийти в себя после такого пира
целой жизни не хватит.

2020

МОЯ ВЯЗАНАЯ КИПА

Максиму Мусселию

Я купил вязаную кипу
у старого мистика,
который коротает дни
на Шук Ха-Кармеле.

Моя кипа сплетена
из многих нитей,
чёрных, как память
в день Девятого Ава,
голубых, как глаза
убиенных литовских евреек,
белых, как льняной саван,
который я одену
на свои похороны,
грубых, как соль Мёртвого моря,
мягких, как песок Негева,
шелковых, как молоко
бедуинских верблюдов.

Мой дорогой друг
из Москвы, который
живет к северу от Тель-Авива
в израильской хрущобе
без бомбоубежища,
сказал мне: «Ты стал
религиозным сионистом».

Мы говорили через
два или три дня
после нападения Хамаса,
я исходил бессмысленными
выражениями
праведного гнева.

Спорить я не хотел. Мой друг
стоял на лестничной площадке
у пыльного окна. Ракеты
летали по экрану его смартфона.

2023

0 МАЖЬ!

ТОСТ В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

Муссель любил Гарсия Лорку
и Маяковского тоже любил,
в коньяк опустив лимонную корку,
он думал о жизни, протяжной, как Нил.

Моп shèге, круг жизни не так утомителен,
чтобы хмурить брови на ясном челе,
мечтаю видеть тебя обольстителем,
который мчится с красоткой в седле.

1986

НА 45-ЛЕТИЕ КРОЛИКА

Милый Кролик-дороголик,
ты, хотя и алкоголик,
но прекрасный человек;
раньше ты любил рекламу,
а теперь ты любишь даму,
за квартиру платишь чек.

Ты мечтал о Теофиле
Норте, о великом фильме,
всех которым удивишь;
ты на пярнусском на пляже
с Катенькой и с Максом даже
больше рядом не стоишь.

Раньше ты гулял по Ницце,
а теперь остепенился,
на Тресковый ездешь Мыс;
раньше думал о Сионе,
служишь ты теперь в ЦИОме,
позабыл родной МИИС.

Из лефортовских просторов,
где, бывало, ты спросонок
выпивал пивка бидон,
ты сбежал в район элитный,
модный, крупногабаритный,
в пятизвёздочный район.

Подведем итоги, Кролик,
и прокрутим жизни ролик –
посмотри его со мной:
у тебя кругом успехи,
мчатся жизненные вехи,
словно осень за зимой.

У тебя философ-Миша,
дочка Сонечка-Сонюша –
как тебе подходит роль
и заботливого сына,

и большого семьянина
(промолчу на рифму ноль).

Ты совсем не изменился
хоть и век наш извинился –
стал циничней и зверей,
ты такой же пылкий, Кролик,
и заядлый шопоголик,
и классический еврей.

А в Facebook-е, а в Facebook-е
очередь, там юбки-брюки,
у твоих стоят дверей;
нежный друг, ты самый верный,
самый ветренный и нервный,
только стал ещё добрей.

Dear Krolik, happy birthday,
forty-five is not a burden,
but the blessed middle age;
always say you're "fine and dandy",
always drink the finest brandy,
vodka, whiskey, stout, and ale.

Not just friends, you are a member
of our family, remember,
of our lives, through thick and thin –
wishing you a happy birthday,
Mira, Tania, Mila, David
join Karen and Maxim.

2011

НОВОАНГЛИЙСКИЕ КУПЛЕТЫ О КРОЛИКЕ

Кролик с нерпой-пионеркой
развлекался под фанеркой
на Тресковом на мысу
в заколдованном лесу,
там, где русские поэты
пишут дивные куплеты
на английском языке –
натошак и налегке.

2013

НА ОТЪЕЗД М. И ЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Они уехали на Крит,
где стол для праздника накрыт,
где осьминога чёрный глаз
горит на солнце, что алмаз,
где спит баран на вертеле,
а пряжа – на веретене,
где шепчет ей любимый зверь
тытольковерь...

2015

ЗИМНЯЯ ТОСКА

Максюша Кролик дорогой,
хочу кататься я с тобой
в Нью-Гэмпширских горах
на лыжах на шарах
в подпутье подшофе
в заснеженном кафе –
(и с Олечкою тож
хотя она построж).

2016

**МАКСУ КРОЛИКУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ —
В ГОД КОРОНАВИРУСА**

Рады, рады, рады
Светлые берёзы
Корней Чуковский

Каждому достались навсегда от Б-га
молодость и старость, длинная дорога:
юноше — подруга, коннику — подпруга,
пахарю — кобылка, алкарю — бутылка,
лирику — читатель, актёру — почитатель,
генералу — войско, дачнику — кот Васька,
фермеру — корова, вирусу — корона,
а Максюше Кролику — камера айфона.

Кролик, в день рожденья мы тебя поздравим,
карантин нарушив, мы судьбе потрафим:
снимем двери с петель, сбросим на пол маски,
сядем рядом с Петей, выпьем вместе с Машей,
как когда-то в Пярну или в Честнат-Хилле
с Катенькой играли, с Олечкой любили,
с Диком пили виски, с Кэрен пили шерри,
и от нашей дружбы все похорошели.

2020

ДРУГУ-СИНЕАСТУ В ДЕНЬ 55-ЛЕТИЯ

Средь прочих пярнусских парнасцев
Максюша Муссель был герой,
он обожал кино – и нас всех
учил смотреть на мир порой
сквозь линзы объективов скрытых,
сквозь кадры радужных миров,
где бьют аристократов бритых,
и где священных нет коров.

Мой дорогой, твои уроки –
аттракционов твой монтаж –
о драгоценные упреки,
советской юности багаж.
Снимай кино, мой милый Кролик,
а жизнь успеет надоесть,
возьми меня в свой новый ролик,

где слава, музыка и жечь.
честь
месть.

2021

ПОСЛЕ ПЯРНУ

НЕВОЛЬНЫЕ ТЕРЦИНЫ О НАШЕЙ ЮНОСТИ

1.

Макс Кролик получил такое прозвище благодаря тому, что восьми- и девятилетним носил на зубах пластинки и щеголял в круглых золотых

очках. Такое сочетание вызывало к жизни ассоциации с Кроликом из «Винни Пуха» – любимой книги нашего брежневского детства.

Даже среди отпрысков пярнусских евреев Макс Кролик, или просто Крол, выглядел самым интеллигентным мальчиком и обычно

появлялся – на пляже или на детской площадке – с книгой в руке. Как я завидовал его очкам (а по-английски ещё и его «спектаклям»),

связывая их с мощью интеллекта и утонченностью! Крол был художавым, чересчур чувствительным подростком. У него в жилах текла славянская кровь,

успокаивая пылкую, южную натуру. Летним полуднем неторопливая река охлаждает разгоряченный ландшафт.

2.

Происхождение Макса Кролика заслуживает короткого отступления не только само по себе, но и как наглядная иллюстрация устройства

смешанных браков в нашем бывшем отечестве. Еще до войны (Второй мировой) дед Макса по материнской линии, Израиль Аболиц, инженер-связист,

женился на русской женщине. Её имя и отчество, Олимпиада Никитична, намекали на купеческую жену из старинного русского водевиля («Мужь

въ дверь, жена — въ Тверь»). Всю жизнь дед Израиль страстно любил свою Липу, а она обожала своего Изю. Каждое лето

Макс приезжал в Пярну с дедом и бабушкой и с двоюродной сестрой Зойкой, юной пианисткой, которая часами разыгрывала

этюды Черни и Клементи в местной русской школе рядом с теннисными кортами. У Максова деда был старомодный

профессорский портфель размером с поросёнка, и он ходил с этим портфелем на пляж, в парк, в городские бани.

Скрученные газеты торчали из разных отделений портфеля, как жирафыи шеи. Даже в жаркие дни бабушка Макса,

Олимпиада Никитична, прогуливалась по Пярну в тёмных цветастых платьях и куталась в шали.

3.

Мы стали лучшими друзьями на рубеже 1982–83 года, старшекласниками. Макс заменил Гошу Бочкарёва (сына Юзефа Кона)

в той сцепке детской дружбы, которая лет с семи-восьми соединяла Катю Царапкину, Гошу и меня. В юности Макс был (неутолимим?)

поглотителем любой переводной прозы. В десятом классе он был единственным, кто на самом деле дочитал до конца

Пруста и Музиля. Макс первым среди нашей пярнусской компании открыл Кортасара и Лагерквиста. Именно

он навел меня на Гессе. Я помню, как мы вдвоём бродили по эстонскому белокварцевому пляжу, пытаюсь понять,

как всё-таки играют в бисер. Макс мечтал стать кинорежиссёром. Любовь к целлулоидному перевоплощению

отчасти исходила от сильной близорукости. В старших классах у него ухудшилось зрение, от плохо подобранных, сильных очков

делались мигрени. Он носил слабые очки, отчего ясность и острота зрения уменьшались, особенно на расстоянии. Мы подтрунивали

над Максом, для которого особенности зрения становились источником разочарований в окружавшем нас обыденном, трёхмерном мире.

Увидев на расстоянии красивую фигуру, Макс предполагал, что у её обладательницы должна быть привлекательная внешность...

Зато в кино всё выглядело иначе. В кино всё действовало по другим законам.

4.

В старших классах и на первом курсе института мои любимые друзья Макс и Катенька хоть и флиртовали друг с другом, но удержались

от хитросплетений любовного сюжета. Теперь, когда мы все готовимся разменять седьмой десяток, это пярнусское юношеское флиртование

остаётся предметом понятных только
нам самим анекдотов. Наши жизни уже давно
образовали треугольник дружбы-любви, в котором

даже самым близким – женам, мужьям, детям –
порой становится тесновато. Прошло уже почти
сорок лет со времени эмиграции, но я всё также

скучаю по моим дорогим Максуси и Кате.
Мы стараемся видеться хотя бы раз в год –
на острове Готланд, в Тель-Авиве или же на Кейп-Коде –

но этого так мало... Когда мы видимся,
оставив на время семьи, страны, каждо-
дневные привычки и многолетние предпочтения,

оковы времени падают. Нам снова пятнадцать
или шестнадцать. Мы бежим по янтарной
аллее, которая ведёт в парк аттракционов

мимо бывшего офицерского казино.
Катя опережает нас с Кроликом,
по-прежнему двигаясь en pointe.

Следом за ней бегу я, размахивая
бадминтонными ракетками. Кролик
отстаёт; от насыщенного хвоей

вечернего воздуха у него разыгралась
астма. Кролик держит в правой руке
русский перевод «Трёх товарищей» Ремарка.

«Смотрите, мальчики», – Катя поворачивается
на ходу и указывает тонкой ладонью
в сторону мола и старинного парка:

«Смотрите, мальчики! Чёртовое колесо
починили. Бежим, бежим скорее!»

2013–2016–2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Воспоминание	6
Три стихотворения, с участием моего друга Максима Мусселя и ленинградских улиц, случившиеся осенью 1986 года	7
Изумрудный червь	10
Бродячие львы	12
Воспитание чувств	13
Моя вязаная кипа	14

О, МАЖЬ!

Тост в ожидании перемен	18
На 45-летие Кролика	20
Новоанглийские куплеты о Кролике	21
На отъезд М. и его возлюбленной	22
Зимняя тоска	22
Максу Кролику на день рождения – в год Коронавируса	23
Другу-синеасту в день 55-летия	24

ПОСЛЕ ПЯРНУ

Невольные терцины о нашей юности	26
--	----

КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ МАКСИМА Д. ШРАЕРА

Табун над лугом (1990)

Американский романс (1994)

Ньюхейвенские сонеты (1998)

Of Politics and Pandemics (2020)

Стихи из айпада (2022)

Kinship (2024)

Параллельное письмо / Parallel Letters (2025)

Война (2025)

Zion Square (2025)

Максим Д. Шраер (Maxim D. Shraer) – писатель, литературовед, переводчик, автор более 30 книг на английском и русском языках, среди которых документальные романы «Бегство» и «В ожидании Америки», рассказы «Багаж иммигранта», бестселлер «Бунин и Набоков», книга стихов «Война» и трансязычная книга стихов «Параллельное письмо/Parallel Letters». Шраер родился в 1967 году в Москве, эмигрировал в 1987 году. Профессор в Бостонском Колледже (США). Удостоен Национальной еврейской премии США и стипендии Фонда Гуггенхайма. Произведения Максима Д. Шраера переведены на тринадцать языков.

